

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 821.161.1

«ГОРОД-ДЕРЖАВА» В ОДНОЙ КАЗАНСКОЙ ОДЕ
Г.Н. ГОРОДЧАНИНОВА**А.Н. Паикуров*

Аннотация

На примере анализа оды 1817 года первого профессора российской словесности Императорского Казанского университета Г.Н. Городчанинова, посвящённой годовщине открытия университета, в статье рассматриваются основные закономерности существования и эволюции «городского текста» в русской литературе первых десятилетий XIX века. Исследуются вопросы взаимодействия философско-эстетического и политико-идеологического уровней в художественной структуре русской оды этого времени. Особое внимание уделено проблеме духовно-нравственного идеала Г.Н. Городчанинова и его значения для формирования ценностных ориентиров русской оды рубежа XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: городской текст, региональная поэтика, отечественная литературная культура рубежа XVIII – XIX веков, эволюция русской оды.

Торжественно-панегирическая словесность в русской литературной культуре была просто магически предрасположена к мифологическому образу Города. В этом нас убеждает уже динамика истоков русской торжественной поэзии, в её эволюции от барокко к классицизму¹: от многомерной дидактико-философской поэмы С. Полоцкого «Вертоград многоцветный» – к «Стихам похвальным Парижу» В.К. Тредиаковского с их знаменитым зачином «Красное место! Драгой берег Сенски!». Город как Рай на земле, мир, преобразующий всё вокруг в сакральном свете, – так можно обозначить этот первый уровень городской поэтики, родившийся на перекрёстке древнерусских летописных традиций и, через латынь, литературной культуры величественной Античности (сравним современный масштабный проект «Образ Рима в русской литературе» [3]).

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0536.

¹ Роль барокко в формировании ведущих идеологем русской литературы (среди которых Город занимает далеко не последнее место) подробно исследована в фундаментальном труде Л.И. Сазоновой [1]. В целом изучение интересного диалогичного процесса движения от барокко к классицизму ещё в 60-е годы XX века дало основание исследователям поэтики отечественной словесности говорить об особом переходном этапе предклассицизма, отмеченного в том числе как раз на отрезке времени от С. Полоцкого и его школы к Ф. Прокоповичу (см. [2]).

Не менее существенным, особенно к первой трети XVIII века, становится видение Города как колыбели и оазиса наук и искусств. Начатая стараниями великой русской «учёной дружины» (И. Посошков, В. Татищев, Ф. Прокопович, А. Кантемир), тенденция эта достигнет первого пика в одах В.К. Третьяковского, а затем – М.В. Ломоносова.

Своё приоритетное место в семье наук, органично необходимых для воспевания Города, заняла, бесспорно, наука красноречия – риторика, глубокими корнями своими уходящая для России отнюдь не только в покорившую Европу «учёную латынь», но и в эпоху расцвета Киевской Руси.

Интересный наследник Тартуской семиотической школы, Елена Погосян, напрямую соотнеся эволюцию русской торжественной поэзии конца XVII – первой половины XVIII века с панорамой поэтики риторики, получила весьма интересную и показательную картину. Согласно гипотезе учёного, определяющий российскую оду «лирический восторг» строится изначально по законам риторической градации, проходя последовательно такие ступени, как *Восторг Ума – Восторг Души – Восторг Духа – Бог* [4]².

Первый профессор российской словесности в Казанском университете Григорий Николаевич Городчанинов (1772–1853) – в этом плане фигура весьма показательная. Обратим внимание на три аспекта его творческого и научного пути. Городчанинов предстаёт как: а) адъюнкт по кафедре красноречия, стихотворства и русского языка (с 1806 года), б) автор показательного «Опыта риторического разбора одной строфы из 7-й торжественной оды г. Ломоносова», друг известного деятеля духовно-литературной культуры России той эпохи Евгения Болховитинова и, наконец, в) даже в полуироничном отзыве своего покровителя М.Л. Магницкого – человек, который «заслуживает внимания... по... особенно же богочестию» [7, с. 298] (подробнее см. [8, 9]).

Уходящая в закат к началу XIX столетия торжественная ода ещё парила на крыльях риторики и религиозной философии. Среди казанских поэтов начала XIX века Г.Н. Городчанинов занимает достаточно видное место [10], самое же примечательное заключается в том, что в его творчестве своё значимое место закрепляется за «казанским текстом». М.М. Сидорова среди показательных примеров называет две его оды: «Оду на всеобщий мир в Европе...» (1814) и «Оду на случай высочайше оказанной городу Казани милости...» (1815).

Обратимся к третьей части этой своеобразной «трилогии», тем более что в этом произведении мифологема Казани звучит «во дружестве» с образом Казанского университета. Речь идёт об «Оде, сочинённой и читанной при Торжественном собрании Императорского университета июля 5 дня 1817 года...» (1817).

Восстановить в правах философско-риторическую традицию русской оды ломоносовской школы³ блистательно удалось в конце XVIII века Г.Р. Державину, с которым (равно как и с другим маститым «архаистом», адмиралом А.С. Шишковым) Г.Н. Городчанинов был, по свидетельству биографов, хорошо знаком и дружен. Потому и начинается казанский поэт-ритор с классического для ломоносовской одописи архетипа *Тишины/Покоя*:

² В контексте идей отечественной религиозной философской мысли это напрямую связано с учением о «русском космизме» (см. [5, 6]).

³ Об основных закономерностях этого явления в историко-литературном процессе см. [11].

Как с поля ратай утомленный
К покою сладкому идет... (Г., с. 2).

В первой строфе «восхищение», «сладость» и «обильность» образуют символическую триаду, проводящую образ *Великой Тишины* в последующее движение оды.

Труд людей науки, творящих в первые годы существования нового центра культуры и просвещения, Казанского университета, поставлен в аллегорическую параллель с благими трудами ратая (пахаря) и пчёл:

Так мы идем поосвежиться
И по трудах припочить,
Чтоб с новым рвением возвратиться... (Г., с. 3).

Труд, подобный пути пчёл «с дальней нивы» (долгий и непростой), видится Г.Н. Городчанинову схожим с процессом созидания нового. Итогом же подобного «труда трудолюбивых» (отметим характерное ещё для стиля «плетения словес» древнерусской риторики выстраивание цепочки однокоренных слов) предстаёт и «сок сладкий», и (обширнее метафора) «обильная жатва», а на их лоне – «покой сладкий» и «дух восхищенный» (знаменитая антонимия, восходящая к древним учениям о медитации: внешнее отдохновение, но внутренний, духовный полёт, напряжение).

Первая строфа подготовила необходимую почву для последующего «расцвета сакрализации» в оде: тихий приступ перерастает в следующее звено – полёт лирической панорамы. С первой же строки нового витка одической спирали идёт выход интересующего нас «державного» контекста, ибо юный университет наречён «вертоградом священным» (Г., с. 3), в гармонии ещё с барочными традициями С. Полоцкого. Святилище науки – как особенный город – «до Амура отражает / Блеск... венца» (Г., с. 3).

Любопытно, что казанский профессор-поэт («стихотворствующий профессор») смешивает, начиная с этих строк, уже заметно ветшающие шаблоны торжественной оды-подношения⁴ и ещё свежие, во многом благодаря державинским и бобровским одам, горизонты оды философской [12]. В итоге Казанский университет из объекта обычной торжественной оды перерастает в Памятник-город философской оды гораццианского образца (Г.Н. Городчанинов окажется на показательном перепутье – межвременье между Г.Р. Державиным и А.С. Пушкиным).

Благая власть нового Города Знаний («запах ароматный, здоровый» (Г., с. 3)) движется так же, как для Г.Р. Державина (а потом и для А.С. Пушкина) власть Слова Поэта: «За бурные струи Байкала... / И до восточных тихих волн»⁵ (Г., с. 3). Через контраст эпитетов, подспудно и параллельно звучит, как видим, ещё и мысль о движении от бурного (невежества) к тихому (мудрому знанию).

Филологический подтекст возникает и в словах профессора словесности о распространении знания в иных национальных языковых культурах: «Услышат Чукчи, Юкагиры, / Тунгус услышит и Бурят» (Г., с. 4). Венчает этот пласт оды

⁴ Александр Первый, благословивший Казанский университет, традиционно высветлен как «Отечества отец», творящий всё «ко благу Россов» (Г., с. 3).

⁵ Курсив наш.

любимый в барокко (равно как и, добавим, в масонстве второй половины XVIII столетия [13]) образ-контраст *Тьма – Свет*.

В конечном итоге всё это работает и на столь важный для ломоносовской поэтики оды закон синтеза звуковых, зрительных и одорических ассоциаций. Благая «Тень» и «запах ароматный» уже звучали в истоках предыдущей смысловой строфы, теперь в картине «университета-державы» пришёл черёд световым ассоциациям: «Невежества покрыты тьмою... Да узрят свет перед собою» (Г., с. 4). В ломоносовской традиции нередко звук предварял зрительно-световое представление (как, например, в известной батальной панораме «Хотинской» оды 1739 года), Городчанинов же меняет систему (воз)действий «университета-державы»: за световым впечатлением следует звук – «Амфионовой глас лиры» (Г., с. 4).

Место более привычной для русской оды водной символики занимает древесная. Подобно тому как «университет-держава» тенью покрыл «Восток Российския державы» (Г., с. 3), он и далее «на Север, Запад, Юг России... корни... пустил» (Г., с. 4). Второй раз вспыхивает, кстати, в оде профессора симвообраз «вертограда», города наук и искусств, Города-Рая, ибо «корни вертоград пустил, / Сынов Отечеству достойных / Он воспитал и возрастил» (Г., с. 4).

Характернее был для оды, со времён её «крестных отцов», В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова, закон нарастающего расширения лирической панорамы⁶. Казанский ритор – и в свете своеобразного «задания» своего творения, и в силу специфики своего Героя («университет как Держава») – осуществляет любопытное отступление от канона, вводя к финалу, в предпоследней смысловой строфе «малую панораму» – обзор заслуг питомцев университета на разных поприщах. Идёт перечисление по нарастающей – от военного искусства до наук о Человеке как высшей гуманистической ценности Бытия: «Иной, приняв меч в шумны длани, / Пустился... / Тот Иппократов <Гиппократов> путь избрал» (Г., с. 4).

Изменён композиционно и финал. Встретив в первой части имя создателя нового светильника культуры – Александра⁷, мы вправе были бы ожидать, что он же займёт место и во «взлетающем эпилоге» (даже «бурный реформатор», Г.Р. Державин, в конце своей легендарной и новаторской «Фелицы» вернулся-таки к образу Екатерины Второй). Отнюдь нет! Богиней финала выступает Казань: «В одежду светлу облекися: / Ликуй и радуйся, Казань» (Г., с. 5).

Находит здесь своё завершение и настойчиво повторяющаяся на протяжении всей оды тема Востока и диалога культур. Как у истоков панорамы университету надлежало «осветить», покорить благим светом «Восток Российския державы» (Г., с. 3), так и в конце с гордостью провозглашается, что новый очаг просвещения поставлен «Восточных Россских муз главою» (Г., с. 5).

Венчает оду равновеликий образу мифологической *Тишины* образ *Красоты*. Достаточно своеобразно использует Городчанинов определённый ещё Ломоно-

⁶ Общие его позиции в поэтике оды подробно рассмотрены в диссертационных исследованиях К.А. Афанасьевой [14] и Е.И. Кузьминой [15], причём во второй из названных работ – как раз в контексте изучения последующего бытия одического классицизма в русской литературе XIX века (феномен так называемого *неоклассицизма*).

⁷ Всему университету как будто бы поначалу предписывалось именно и только это: распространить по России и миру «Блеск АЛЕКСАНДРОВА венца!» (Г., с. 3).

совым риторический закон «сопряжения понятий», наслаивая и взаимопересекая два облика понимания *Красоты*:

– *Красота*, привнесённая *извне* («Даром сим священным / Твоя <Казань> украсилась грудь!» (Г., с. 5));

– *Красота*, творимая новым феноменом культуры *вовне* («Красуйся – и сама красую / Градов восточных русских будь» (Г., с. 5)).

Итак, какими же приметам должен обладать, в видении Г.Н. Городчанинова, «Город-Держава»?

1. Начнём с того, что точкой отсчёта выступает Казанский университет как новое средоточие города Казани. Вырисовывается такая картина: Город, благословенный Державой (государством, императором) на создание нового явления культуры и просвещения > Город, благодаря тому становящийся малой моделью самой Державы > Университет как «Держава культуры и знаний».

2. «Город-Держава», равно как и «университет-держава», последовательно переводят роды человеческих деяний от невежественного прозябания («Сибири мрачные сыны») – к трудам и битвам («меч шумный» в финале и «ратай утомленный» в начале), а затем – к *Мудрости*, *Покою* и *Красоте*.

3. Университет и создавший его «Город-Держава» подобны древу: оно и питается от разных краёв своими корнями, и дарует потом этим «странам» тень и свет своей кроны.

4. Залогом бытия и процветания «Города-Державы» выступает закон диалога культур («Восток Российския державы... / На Север, Запад, Юг»).

5. *Красота* привнесённая преобразуется «Городом-Державой» в новую, творимую и распространяемую *Красоту* (*Красота* здесь представлена в широком архетипическом её понимании – как союз *Истины*, *Добра* и *Просвещения*).

Приложение

Г.Н. Городчанинов

Ода, сочинённая и читанная при Торжественном собрании Императорского Казанского университета июля 5 дня 1817 года Надворным советником, Красно-речия, Стихотворства и языка Российскаго П. О. Профессором Григорьем Городчаниновым

*(Oratio De circulatione Sanguinis
Ejusque organis 5 Die Julii 1813
in Concessu solemnii Perlecta Rectore Joanne Braun. –
Казань, 1817. – С. 2–5).*

Как с поля ратай утомленный
К покою сладкому идет
И, дух имея восхищенный,
Блаженство дней своих поет,
Коль небо щедрою рукою
Обильной жатвой, золотою
Почтенный наградило труд,
Иль пчелы как трудолюбивы
Летят обратно с дальней нивы
И в улей сладкий сок несут,

Так мы идем поосвежиться
И по трудах припочить,
Чтоб с новым рвением возвратиться
И новы силы получить.
Да сей нам вертоград священный,
Ко благу Россов насажденный
Рукой Отечества Отца,
Да вящей лепотой блистает
И до Амура отражает
Блеск АЛЕКСАНДРОВА венца.

Восток Российския державы
Он тению своей покрыл
И запах ароматный, здравый
Своих древес распространил
За бурныя струи Байкала,
До юрты дымной Камчадала
И до восточных тихих волн,
Там, где Курилец дерзновенный
Стремит из тростника сплетенный
Свой малый, утлый в море челн.

Невежества покрыты тьмою,
В Шаманской мгле погружены,
Да узрят свет перед собою
Сибири мрачные сыны.
И Амфионовой глас лиры
Услышат Чукчи, Юагиры,
Тунгус услышит и Бурят,
Что годовых времен не знают,
Что дни по пальцам лишь щитают
И Божиих чудес не зрят.

На Север, Запад, Юг России
Сей корни вертоград пустил,
Сынов Отечеству достойных
Он воспитал и возрастил.
Иной, приняв меч шумный в длани,
Пустился вихрем в поле брани
И лавры на чело стяжал,
Другой приял весы Фемиды,
Сего призвали Пиериды,
Тот Иппократов путь избрал.

В одежду светлу облекися,
Ликуй и радуйся, Казань,
Наук плодами насладися,
Целуй щедроты полну длань,
Что перлом сим, толь драгоценным,
МОНАРШИМ даром сим священным
ТВОЯ украсилася грудь!

Восточных Росских муз главою
Красуйся – и сама красою
Градов восточных Росских будь.

Summary

A.N. Pashkurov. The “City-State” in One of the Kazan Odes by G.N. Gorodchaninov.

In this paper, by analyzing an ode written in 1817 by G.N. Gorodchaninov, the first professor of Russian literature at the Imperial Kazan University, and dedicated to the University’s anniversary, we discuss the main regularities in the existence and evolution of the “city text” in Russian literature of the first decades of the 19th century. In this context, we investigate the issues of interaction between the philosophical-and-aesthetic and the political-and-ideological levels in the artistic structure of the Russian ode of that period. Special attention is paid to the problem of G.N. Gorodchaninov’s moral ideal and its importance for the formation of the value system of the Russian ode at the turn of the 19th centuries.

Keywords: city text, regional poetics, Russian literary culture at the turn of the 19th century, evolution of the Russian ode.

Источники

Г. – *Городчанинов Г.Н.* Ода, сочинённая и читанная при Торжественном собрании Императорского Казанского университета июля 5 дня 1817 года Надворным советником, Красноречия, Стихотворства и языка Российскаго П. О. Профессором Григорьем Городчаниновым // *Oratio De circulatione Sanguinis Ejusque organis 5 Die Julii 1813 in Concessu solemnī Perlecta Rectore Joanne Braun.* – Казань, 1817. – С. 2–5.

Литература

1. *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. – М.: Языки славян. культур, 2006. – 894 с.
2. *Елеонская А.С., Орлов О.В., Сидорова Ю.Н., Терехов С.Ф., Фёдоров В.И.* История русской литературы XVII – XVIII веков. – М.: Высш. шк., 1969. – 364 с.
3. *Образ Рима в русской литературе.* – Рим; Самара: НТЦ, 2001. – 222 с.
4. *Погосян Е.А.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. – 159 с.
5. *Жадунова Н.В.* Идеи космизма и нравственные искания в русской поэзии: Дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2002. – 161 с.
6. *Моторин А.В.* Духовные направления в русской словесности первой половины XIX века: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1998. – 437 с.
7. *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904): в 4 т. – Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1903. – Т. 3. – 609 с.
8. *Сидорова М.М.* Городчанинов Г.Н. // *Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): Биобиблиогр. словарь.* – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 45–48.
9. *Сидорова М.М.* Городчанинов Г.Н. // *Татарская энциклопедия: в 5 т.* – Казань: Идел-Пресс, 2005. – Т. 2. – С. 151.
10. *Девярых Л.И.* Пантеон казанских поэтов // Казань. – 2007. – № 7. – С. 46–48.
11. *Пумпянский Л.В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. – Л.: Наука, 1983. – Сб. 14. – С. 3–44.

12. *Рижский И.С.* Наука стихотворства. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1811. – 354 с.
13. *Сахаров В.И.* Русская масонская поэзия XVIII века // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX веков. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 66–118.
14. *Афанасьева К.А.* Русская ода XVIII века: истоки и эволюция: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 25 с.
15. *Кузьмина Е.И.* Неоклассицизм как литературно-эстетическое явление рубежа XVIII – XIX веков: Дис. ... канд. филол. наук. – Оренбург, 2001. – 188 с.

Поступила в редакцию
11.01.13

Пашкуров Алексей Николаевич – доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: anp.72@mail.ru